

На правах рукописи

ПОПОВСКАЯ Вера Игоревна

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ:
ФАКТОР АДРЕСАТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЗАКОНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный университет» на кафедре теоретического и прикладного языкознания.

Научный руководитель: **Воронцова Татьяна Александровна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Бутакова Лариса Олеговна,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»,
профессор кафедры русского языка,
литературы и документных коммуникаций;

Дубровская Татьяна Викторовна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет», заведующий кафедрой
«Иностранные языки и профессиональная
коммуникация»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет»

Защита состоится 27 января 2025 года в ____ часов на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.089.02 на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» по адресу: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», https://www.csu.ru/Shared%20Documents/PopovskayaVI_dissertasia.pdf.

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.В. Мамонова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию особенностей реализации коммуникативно-прагматического потенциала юридических (законодательных) текстов в ситуации их восприятия неспециалистом.

Антропоцентризм выступает одним из основных принципов современной лингвистики. Этим объясняется исследовательский интерес к прагматическим аспектам коммуникации, а также к анализу языковых явлений с позиций междисциплинарного подхода, позволяющего рассматривать разные стороны человеческого существования в их взаимосвязи, что обеспечивает получение более целостных представлений об объекте.

Юридические тексты представляют собой значимый элемент как правовой, так и языковой культуры общества. Пограничное положение данных текстов обуславливает возникновение проблем, находящихся в зоне пересечения языка и права: являясь по своей природе специальными текстами, ориентированными на профессиональное взаимодействие, юридические (и прежде всего законодательные) тексты призваны осуществлять функцию социальной регламентации, следовательно, должны быть понятны тем, на кого они распространяют свое действие, – рядовым носителям языка. В то же время способность юридического текста порождать определенные правовые последствия, в том числе применение мер государственного принуждения, неизбежно ставит в приоритет точность формулировок перед их простотой и понятностью неспециалисту. Несмотря на это, юридическая техника предписывает адресанту по возможности отбирать простые, доступные для понимания рядовым носителем языка средства, особенно при создании текстов, адресованных максимально широкой аудитории. Остается не до конца ясным сам принцип квалификации тех или иных языковых средств как простых и доступных неспециалисту, поскольку в литературе содержатся лишь отдельные сведения об элементах, осложняющих декодирование юридического текста. Комплексное описание таких единиц в настоящее время отсутствует.

Лингвистическим параметром, позволяющим реально оценить успешность адресанта в достижении желаемого коммуникативного эффекта, является коммуникативно-прагматический потенциал текста. Коммуникативно-прагматический потенциал текста есть нечто объективно существующее и в готовом сообщении достаточно независимое от автора, так как прагматика в целом определяется содержанием и формой сообщения и реализуется посредством заложенной в системе языка способности транслировать определенными знаками то или иное значение (как предметно-логическое, так и коннотативное). Именно поэтому представляется возможным анализ реально заложенных смыслов в соотношении с ожидаемым поведением реципиента в рамках правового поля. При этом очевидно, что прагматика текста не всегда совпадает с коммуникативным намерением адресанта сообщения, что является одной из наиболее острых проблем в рамках правовой коммуникации.

Степень разработанности проблемы. Вопросы, касающиеся реализации коммуникативно-прагматического потенциала юридических текстов, входят в более широкую группу проблем, лежащих в зоне пересечения языка и права, – относительно ясности и понятности юридических текстов в целом, а также их интерпретации и восприятия рядовыми носителями языка. Решению данных проблем посвящены работы представителей юридической науки (С.С. Алексеев, В.М. Баранов, С.А. Белов, А.С. Пиголкин, В.Ю. Туранин, Н.И. Хабибулина, А.Ф. Черданцев, Е.А. Юртаева и др.), а также многочисленные труды лингвистов (О.В. Барабаш, М.В. Батюшкина, Г.В. Вахитова, Н.Д. Голев, Д.И. Милославская, И.В. Палашевская и др.).

Несмотря на существующий интерес к проблемам понимания юридического текста рядовым носителем языка, исследования коммуникативно-прагматического потенциала данной группы текстов немногочисленны. Прагматический аспект юридической терминологии рассматривали М.С. Бульба (2009), М. Галдия (2009), А.М. Пыж (2005), К.Г. Салтыков (2015) и др. Вопросы, связанные с функционированием юридических терминов в обыденном сознании, поднимались в работах М.Е. Воробьевой (2014), Н.Д. Голева (2015, 2017 и др.), Е.В. Малюковой (2005), Н.Ю. Мартышко (2015), Д.И. Милославской (2000) и др. Морфологические свойства юридического текста в аспекте их прагматики освещались в работах М.В. Батюшкиной (2018), Т.В. Губаевой (1984), Е.З. Киреевой (2014), И.П. Михальчук (1993), В.Н. Шашковой (2019, 2020) и др. Категория модальности как основополагающая категория текста рассмотрена в тесной взаимосвязи с категориями прагматики в докторской диссертации Е.З. Киреевой (2019).

Анализ работ, связанных с функционированием юридических текстов, показал, что сведения об особенностях реализации их коммуникативно-прагматического потенциала носят фрагментарный и несистемный характер. На сегодняшний день описаны лишь некоторые элементы текста, снижающие его коммуникативно-прагматический потенциал.

Таким образом, **актуальность** заявленной темы диссертации обусловлена наличием социального запроса на понятные, доступные для неспециалиста юридические тексты и недостаточной изученностью особенностей реализации коммуникативно-прагматического потенциала подобных текстов, отсутствием комплексного и всестороннего описания элементов юридического текста, осложняющих его декодирование рядовым носителем языка.

Объект диссертационного исследования – юридические (законодательные) тексты, регламентирующие деятельность членов общества в ситуации «неспециалист – неспециалист».

Предметом исследования выступает коммуникативно-прагматический потенциал юридического (законодательного) текста, регламентирующего деятельность членов общества в ситуации «неспециалист – неспециалист».

Цель исследования – выявить факторы снижения коммуникативно-прагматического потенциала законодательных текстов при их декодировании адресатом-неспециалистом.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) уточнить понятие коммуникативно-прагматического потенциала текста и проанализировать факторы, влияющие на коммуникативно-прагматический потенциал текста;

2) определить место и специфику законодательного текста в рамках юридического дискурса;

3) установить коммуникативно-прагматические и стилевые параметры, определяющие коммуникативно-прагматический потенциал законодательного текста;

4) разработать типологию законодательных текстов в зависимости от характеристик коммуникантов (взаимодействующих сторон);

5) выявить лексические, морфологические и синтаксические элементы законодательного текста, которые обуславливают снижение коммуникативно-прагматического потенциала при декодировании текста неспециалистом, и обосновать причины и механизмы этого процесса;

б) проанализировать структурные элементы юридического (законодательного) текста, которые обуславливают снижение коммуникативно-прагматического потенциала при декодировании текста неспециалистом.

Источником **материала для исследования** послужила совокупность нормативно-правовых актов Российской Федерации (законов в действующей редакции), в которых регламентируются ситуации взаимодействия «неспециалист – неспециалист». Отбор текстов (фрагментов текста) осуществлялся на основании следующих характеристик: 1) закон предписывает определенное поведение гражданина в социально значимых сферах деятельности; 2) закон регламентирует ситуации, в которых решение правовых вопросов может осуществляться неспециалистами с опорой только на законодательный текст.

Процесс отбора текстов состоял из двух этапов. На первом этапе основанием для отбора служили заголовки законов и кодексов, которые позволяли предположить наличие в них фрагментов, регулирующих ситуации взаимодействия «неспециалист – неспециалист». Такими текстами стали: Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, ФЗ «О защите прав потребителей», ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». На втором этапе из перечисленных текстов отбирались отдельные фрагменты (части, главы, параграфы, статьи, фрагменты статей), содержание которых соответствует указанным выше характеристикам.

За пределы исследования были выведены законы, которые, хотя и рассчитаны на массового адресата, предполагают участие компетентной стороны в решении правовых вопросов (Уголовный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях и под.), так как толкование законодательного текста и доведение его смысла до заинтересованных лиц (в том числе его разъяснение рядовым гражданам) в подобных случаях входит в задачи специалиста-юриста. Всего анализу подвергнуто более 500 страниц текста.

Гипотеза исследования. Юридические (законодательные) тексты, предназначенные для коммуникативных ситуаций, где адресатом текста может являться неспециалист, содержат структурные и языковые элементы, которые препятствуют корректному декодированию (адекватному пониманию) данных текстов неспециалистом.

Теоретическую базу исследования составили труды по *прагмалингвистике* (Н.Д. Арутюнова, Т.Г. Винокур, Т.Л. Каминская, И.А. Стернин, И.П. Сусов, Н.И. Формановская), *стилистике* (М.Н. Кожина, Д.Э. Розенталь), *теории текста и дискурса* (В.И. Карасик В.Е. Чернявская), *юрислингвистике* (М.В. Батюшкина, Н.Д. Голев, Е.З. Киреева, Л.П. Широбокова), *терминоведению* (Е.И. Голованова, В.М. Лейчик, И.А. Рёбрушкина), в частности, работы по *юридической терминологии* (М.Е. Воробьева, А.В. Иркова, Н.Ю. Мартышко, Д.И. Милославская), *прагматике, семантике и синтаксису деловых текстов* (И.С. Лобашевская, Т.И. Матвеева, М.Ю. Федосюк, Е.В. Шестакова), *теории гипертекста* (О.В. Дедова, Е.В. Зыкова, Т.И. Рязанцева).

Методы исследования. В работе применены общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения и систематизации, а также ряд лингвистических методов:

метод коммуникативно-прагматического анализа (в том числе с применением экспериментальных методик), позволивший определить дискурсивные факторы, влияющие на формирование коммуникативно-прагматического потенциала юридических (законодательных) текстов;

метод стилистического анализа, применение которого дало возможность выявить основные стилевые параметры, влияющие на отбор и организацию языковых средств в законодательном тексте;

методы контекстуально-семантического, синтаксического и структурного анализа текста для выявления языковых и структурных элементов законодательных текстов, затрудняющих процесс корректного декодирования данных текстов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые: 1) уточнено и обосновано понятие коммуникативно-прагматического потенциала текста; 2) выявлены дискурсивные и стилевые факторы, обуславливающие эффективность реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста; 3) уточнены место и специфика законодательных текстов в юридическом дискурсе, создана типология законодательных текстов в зависимости от характеристик коммуникантов; 4) определены языковые единицы, обуславливающие некорректное декодирование законодательного текста адресатом-неспециалистом, установлены причины и механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста при их употреблении; 5) выявлена прагматическая роль отдельных структурных элементов законодательного текста (заголовков и ссылок) в процессе его декодирования неспециалистом, создана типология гиперссылок в законодательном тексте с точки зрения их информативности для адресата-неспециалиста; 6) определены факторы

снижения коммуникативно-прагматического потенциала законодательных текстов при их декодировании адресатом-неспециалистом.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в разработку таких научных областей, как лингвистическая прагматика, юридическая лингвистика, теория текста, а также в разработку теории неэлектронного гипертекста. Представленный в работе алгоритм анализа коммуникативно-прагматического потенциала может быть применен при исследовании русскоязычных и иноязычных текстов, предназначенных для рационально-логического восприятия, то есть текстов официально-делового и научного стилей.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов в учебных курсах лингвопрагматики, стилистики, юрислингвистики. Материал исследования представляет интерес для специалистов, занимающихся лингвистической экспертизой, а также для юристов гражданско-правовой специализации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Коммуникативно-прагматический потенциал текста представляет собой совокупность его языковых и структурных параметров, которые с точки зрения адресанта способны обеспечить эффективное выполнение коммуникативных задач в предполагаемой коммуникативной ситуации. Коммуникативно-прагматический потенциал текстов призван обеспечить не только эмоциональное, но и рационально-логическое воздействие как возможность корректного декодирования данного текста адресатом.

2. Коммуникативно-прагматический потенциал текста определяется двумя параметрами: фактором адресата и стилевыми характеристиками текста. Для принятия решения о способности того или иного средства произвести должный коммуникативный эффект адресант ориентируется на совокупность представлений о воспринимающей стороне; в то же время спектр средств, доступных адресанту, ограничен законами функционального стиля, исторически закрепившимися в процессе речевой практики для обеспечения наиболее успешного взаимодействия в конкретной (типовой) коммуникативной ситуации.

3. В зависимости от характеристик взаимодействующих сторон выделяются следующие типы законодательных текстов: 1) тексты, регламентирующие ситуации взаимодействия «специалист-специалист»; 2) тексты, регламентирующие ситуации взаимодействия «специалист-неспециалист»; 3) тексты, регламентирующие ситуации взаимодействия «неспециалист-неспециалист». Особенность законодательных текстов состоит в том, что они имеют двойную адресацию: непосредственным адресатом правовых *норм* является рядовой носитель языка, а адресатом *текста* – специалист-юрист, при этом коммуникативный код законодательного текста ориентирован на специалиста.

4. При декодировании законодательного текста адресатом-неспециалистом снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста обусловлено употреблением языковых единиц различных уровней, нарушающих стилевую

доминанту данных текстов – требование однозначности толкования. На лексическом уровне к таким единицам относятся: а) термины (разный механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала демонстрируют термины, взаимодействующие с естественным языком (омонимичные общеупотребительным лексемам и обладающие прозрачной внутренней формой и словообразовательной мотивированностью), и термины, изолированные от естественного языка); б) семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия, в) синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью. На морфологическом уровне: а) отглагольные существительные, б) производные предлоги. На синтаксическом уровне – предложения большого объема.

5. Прагматическая роль структурных элементов законодательного текста для неспециалиста определяется следующими факторами: 1) обращение неспециалиста к законодательным текстам носит спорадический характер (по необходимости); 2) у адресата отсутствуют фоновые юридические знания; 3) для адресата значимы только отдельные фрагменты законодательного текста, регламентирующие отдельную ситуацию. В связи с этим корректное декодирование законодательного текста для неспециалиста обусловлено информативным потенциалом 1) названий структурных разделов законодательного текста (заголовков); 2) внутритекстовых ссылок, которые из-за отсутствия необходимых фоновых знаний воспринимаются неспециалистом как гиперссылки, обладающие разной степенью информативности.

Апробация результатов. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: «Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах» (Санкт-Петербург, 2021 г.), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2022 г.), «Юрислингвистика: языковые аспекты права» (Барнаул, 2022 г.), «Язык, культура, технологии: междисциплинарная парадигма исследований» (Ханты-Мансийск, 2023 г.).

Основные положения работы отражены в 9 публикациях автора, в том числе в 7 статьях в научных рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность исследования, охарактеризована степень разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи работы, определены объект, предмет, материал и методы исследования, отмечена научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту, а также сведения об апробации результатов работы.

Первая глава «**Теоретические основы исследования коммуникативно-прагматического потенциала законодательных текстов**» содержит описание теоретических основ исследования, позволяющих уточнить понятие коммуникативно-прагматического потенциала текста, выявить прагматическую неоднородность законодательных текстов и поставить вопрос о параметрах, снижающих коммуникативно-прагматический потенциал текста при его адресации неспециалисту.

Понятие *коммуникативно-прагматический потенциал* является сравнительно новым и недостаточно разработанным в лингвистике. В настоящее время термин не представлен в лингвистических словарях и не имеет общепринятой дефиниции. Исследования коммуникативно-прагматического потенциала обычно сосредоточены на единицах, хотя и различных по своей природе, но наделенных некой воздействующей (с точки зрения *эмоционального* эффекта) силой. Наибольший интерес ученых вызывают типы дискурсов, ориентированных на воздействие, – политический [Бектурова, Кадеева, 2015; Бондаренко, 2022], рекламный [Иванова, 2011; Ромадина, 2013] и т.д.

Тексты юридического дискурса также создаются с целью воздействия на адресата, при этом достижение законом коммуникативного эффекта обусловлено реализацией его предписывающей функции. Необходимым условием воздействия является *понимание* как результат адекватного декодирования сообщения, именно поэтому в реферируемой работе предпринята попытка анализа коммуникативно-прагматического потенциала юридического текста с точки зрения *рационально-логического* восприятия.

Под коммуникативно-прагматическим потенциалом текста понимается такой отбор и организация языковых средств и структурных элементов текста, которые с точки зрения адресанта способны максимально эффективно обеспечить выполнение коммуникативных задач в предполагаемой коммуникативной ситуации, следовательно, должны быть корректно декодированы предполагаемым адресатом.

Отбор и организация языковых единиц и структурных параметров, способных эффективно реализовать коммуникативные задачи, стоящие перед конкретным текстом, осуществляются адресантом с учетом 1) совокупности представлений о воспринимающей стороне, т.е. в соответствии с фактором адресата, и 2) стилевых характеристик текста.

Фактор адресата является одной из важнейших прагматических характеристик текста: «вне фактора адресата нет произведения» [Арутюнова, 1981; Формановская, 2002]. По мнению Н.Д. Арутюновой, термин *адресат* позволяет подчеркнуть «сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой» [Арутюнова, 1981, с. 358]. Адресант в процессе создания текста делает все необходимое для того, чтобы обеспечить корректное декодирование сообщения, т.е. стремится к тому, чтобы

сообщение обладало максимальным коммуникативно-прагматическим потенциалом.

С другой стороны, коммуникативно-прагматический потенциал текста обеспечивается его стилевыми параметрами, поскольку закрепление определенных единиц за конкретным стилем осуществляется с учетом сферы коммуникации и ситуации общения. На выбор адресантом языковых средств большое влияние оказывают существующие в данной сфере общения нормы отбора и сочетания языковых единиц. Функциональный стиль при этом выступает в качестве своеобразного фильтра, допускающего одни элементы и запрещающего другие. Это положение согласуется с работами М.Н. Кожинной, в которых стиль рассматривается как результат отбора и организации языковых единиц всех уровней в соответствии с задачами общения [СЭСРЯ, 2006, с. 581].

В главе определяется, что в основу анализа коммуникативно-прагматического потенциала юридических текстов, регулирующих взаимодействие неспециалистов, должны быть положены два фактора: фактор адресата и фактор функционального стиля. Далее в работе обосновывается выбор в качестве объекта исследования категории *текста*, дифференцируются понятия «юридический текст» и «законодательный текст», характеризуется прагматическая специфика и стилистические свойства законодательных текстов.

В лингвистической литературе юридический дискурс изучается с разных точек зрения, при этом многими исследователями отмечается его неоднородность [Косоногова, 2015; Борисова, 2016; Хомутова, Шефер, 2019 и др.]. Несмотря на различия в подходах к выделению разновидностей (частей) юридического дискурса, исследователи единодушно признают законодательный дискурс как один из подтипов юридического. Объектом реферируемого исследования выступает не дискурс, а законодательные *тексты*, что определяется рядом факторов: *во-первых*, отсутствием устных форм реализации законодательного дискурса и, как следствие, невозможностью определения данного типа дискурса без привлечения понятия текста; *во-вторых*, противоречием между понятием дискурса как гибкой и подвижной системы и недопустимостью варьирования законодательного текста в зависимости от разных коммуникативных факторов; *в-третьих*, принцип тематической общности коммуникативных событий, объединяющихся в конкретный тип дискурса, требует выделения юридического дискурса как совокупности речевых событий, имеющих отношение к сфере юриспруденции, а законодательные тексты в таком случае следует рассматривать в качестве его ядра.

В работе предложена терминологическая (понятийная) иерархия:

1. Юридический дискурс – вся совокупность коммуникативных актов и соответственно текстов как их материального воплощения, имеющих отношение к юриспруденции (праву) в широком смысле.

2. Законодательный дискурс – разновидность (ядро) юридического дискурса, представляющая собой совокупность законодательных текстов.

3. Законодательный текст – одна из разновидностей юридических текстов, текст, включенный в ядро юридического дискурса.

Прагматическая специфика законодательных текстов проявляется в следующем: 1) адресант закона всегда наделяется властными полномочиями (в отличие от некоторых юридических текстов, где стороны коммуникации могут находиться в равноправных отношениях); адресат текста всегда неединичен; 2) коммуникация всегда опосредована письменными текстами, которые приобретают статус речевого акта только в результате соблюдения ряда строго регламентированных формальных процедур; 3) специфическая функция – предписывающая.

Далее в главе рассматриваются параметры, определяющие коммуникативно-прагматический потенциал законодательных текстов: фактор адресата и стилевые характеристики.

Во многих формулировках, используемых юристами для характеристики адресата нормативного акта, указываются не адресаты *текста*, а адресаты *правовых норм*, т.е. лица, чьи действия регулируются законом. В связи с этим на основании положения об общеобязательности соблюдения предписанных правил поведения делается вывод об адресации законодательного текста любому члену общества (С.А. Воробьева, М.М. Жуйков, В.А. Кирсанов, Д.Д. Мухтаров, А.С. Пиголкин, М.А. Ревазов, М.А. Соколова и др.). Ряд авторов считает, что понимать правовые тексты может только специалист (Р. Иеринг, Р.А. Ромашов и др.). В исследованиях лингвистов нет единого мнения относительно адресата законодательного текста, при этом подчеркивается сложность структуры правовой коммуникации, определяющая неоднородный характер адресатов законодательных текстов (М.В. Батюшкина, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев, Е.З. Киреева и др.).

Одним из исходных положений исследования является признание факта *двойного адресата* закона: закон адресуется тому, на кого он распространяет свое действие, и этот круг лиц служит ориентиром в процессе законотворчества, однако закон как нормативный правовой акт, который обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения, одновременно адресуется и правоприменителю, т.е. специалисту.

В результате наложения на рамки правовой коммуникации модели Р.О. Якобсона в работе делается вывод, что такая коммуникативная модель (и то с определенной долей условности) может быть применима только к процессу взаимодействия специалистов, являющихся носителями специального «языка» (кода).

С точки зрения качественных характеристик коммуникантов (взаимодействующих сторон) законодательные тексты неоднородны. Критерием выделения типов законодательных текстов является коммуникативная ситуация, в которой текст выступает как регулирующий инструмент правовых отношений. На этом основании в работе выделяются:

1. Тексты, которые регулируют правовые отношения путем профессионально-профессионального взаимодействия (специалист – специалист): *Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ* и т.п.

2. Тексты, регулирующие правовые отношения неспециалистов посредством обязательного привлечения соответствующих юридических структур (специалист – неспециалист): *Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях* и многие др.

3. Законодательные тексты, которые регламентируют правовые отношения в ситуациях, допускающих взаимодействие неспециалистов без обязательного посредничества специалиста-юриста (неспециалист – неспециалист): законы «*О защите прав потребителей*», «*Об основах охраны здоровья граждан...*», отдельные главы *Гражданского кодекса* и т.д.

Последняя группа текстов представляет наибольший интерес с точки зрения коммуникативно-прагматического потенциала, так как ситуации, в которых функционируют подобные законы, фактически позволяют использовать неспециалисту специальные тексты для разрешения правовых вопросов.

Поскольку законодательный текст относится к текстам юридического (законодательного) подстиля официально-делового стиля, законы обладают характеристиками, присущими данной функциональной разновидности языка. Традиционно в качестве стилевых черт официально-делового стиля называют следующие: точность, не допускающая инотолкования, императивность, стандартизованность, неличность изложения, официальность, безэмоциональность [СЭСРЯ, 2006, с. 274-275]. Для законодательных текстов точность и однозначность изложения имеют особую значимость, так как это позволяет обеспечивать реализацию регулятивной функции права. Точность нормативного законодательного текста обеспечивается средствами всех языковых уровней. При этом стилевые черты достигают наибольшего эффекта в реализации коммуникативно-прагматического потенциала в отношении адресата-специалиста, а для неспециалиста могут становиться препятствием для корректного декодирования текста.

Во второй главе «**Коммуникативно-прагматический потенциал языковых единиц в законодательном тексте**» выявлены и проанализированы лексические, морфологические и синтаксические языковые единицы, обуславливающие снижение коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста при его декодировании неспециалистом.

Некорректное декодирование законодательного текста адресатом-неспециалистом может быть обусловлено как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими факторами. Внутриязыковыми факторами могут быть особенности функционирования данной единицы в языке (лексическая омонимия и полисемия, сфера употребления и т.д.), свойства самой языковой единицы (семантическая неопределенность) и др. Основным экстралингвистическим фактором неоднозначной интерпретации законодательного текста является то, что адресат, не будучи специалистом, не имеет профессиональных фоновых знаний и достаточного навыка декодирования законодательных текстов.

В процессе исследования анализу были подвергнуты типичные для текстов официально-делового стиля языковые элементы и отобраны единицы, которые

обуславливают снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста при его декодировании неспециалистом в связи с возможностью неоднозначного понимания данных элементов. На лексическом уровне к ним относятся: а) терминологические единицы; б) семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия; в) синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью. На морфологическом уровне: а) отглагольные существительные; б) производные предлоги. На синтаксическом уровне – предложения большого объема. Механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста различны для каждой группы языковых единиц.

Термины, функционирующие в юридических текстах, регламентирующих взаимодействие неспециалистов, дифференцированы в работе в зависимости от 1) степени освоенности слова естественным языком; 2) степени прозрачности внутренней формы и словообразовательной мотивированности. Выделены термины, изолированные от естественного языка и взаимодействующие с ним. В исследуемых текстах преобладают термины, взаимодействующие с естественным языком (90%).

Утрата релевантных для юридического дискурса смыслов в процессе декодирования текста, содержащего термин, взаимодействующий с естественным языком, может быть обусловлена: 1) ориентацией на общеупотребительное значение слова вследствие неразличения общеупотребительной и специальной лексической единицы (*договор, продавец, пассажир, товарищи, пожертвование, вред, риск* (Гражданский кодекс РФ) и др.); 2) декодированием термина путем раскрытия внутренней формы и/или с опорой на словообразовательную структуру единицы, хотя значение термина, как правило, не сводится к сумме значений составляющих его морфем (*поклажедатель, арендодатель, контрагент, займодавец, жертвователь* (Гражданский кодекс РФ) и др.).

Некорректное декодирование термина, изолированного от естественного языка, связано с его функционированием в качестве неочевидной гиперссылки¹ (*оферта, акцепт, контракция, секвестр, коносамент* (Гражданский кодекс РФ) и др.). Механизм снижения данными элементами коммуникативно-прагматического потенциала текста заключается не только (и не столько) в самом факте их неизвестности адресату, но прежде всего в том, что, являясь сигналом необходимости обращения к иному текстовому фрагменту, они недостаточно ясно репрезентируют эту интенцию перехода и не содержат более или менее точного указания на текст, содержащий релевантную дефиницию.

Одной из базовых стиливых черт законодательного текста является безэмоциональность [Кожина, 2008, с. 327], при этом в законодательных текстах можно обнаружить целый ряд **семантически неопределенных лексем и оценочных понятий** (*разумный срок, минимальный срок, объективно необходимый срок, разумная цена, товарный вид* (ФЗ «О защите прав

¹ Юридический (законодательный) текст рассматривается в работе в категориях гипертекста, что позволяет выделять в его структуре текстовые блоки и средства, обеспечивающие навигацию между блоками, – гиперссылки.

потребителей») и др.). Поскольку возможность множественности интерпретаций является универсальным свойством языка, логично предположить, что понимание оценочных понятий носителями обыденной картины мира неизбежно приведет к конфликту интерпретаций.

Для выявления особенностей интерпретации законодательных текстов, содержащих семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия, в работе проведено экспериментальное исследование. В нем приняли участие 50 испытуемых от 18 до 50 лет, при этом подавляющее большинство респондентов (80%) в возрасте 18–25 лет. На первом этапе было дано задание подобрать как можно больше синонимов (литературных, нелитературных, просторечных, неблагозвучных и т.д.) к словам *немедленно*, *минимальный срок*, *разумный срок*, что позволяло установить их значение в сознании носителей языка вне конкретного контекста; на втором этапе испытуемым были предложены фрагменты статей с указанными оценочными понятиями. Задание формулировалось следующим образом: *«Объясните, как вы понимаете выделенные выражения в рамках приведенных контекстов. Пожалуйста, не используйте в ваших объяснениях подчеркнутые слова. Постарайтесь максимально точно и подробно описать ваше понимание ситуации»*. Графическое выделение лексем потребовалось для того, чтобы предотвратить реакции, где данная лексема сохранялась, так как это не позволило бы судить о корректности декодирования текста реципиентом.

В результате были сделаны следующие выводы: 1) для всех рассмотренных контекстов доля реакций, так или иначе искажающих содержание исходного текста или отражающих не все его смысловые компоненты, выше, чем реакций с верной интерпретацией; 2) семантически неопределенные лексемы понимаются неоднозначно, имеет место смещение акцентов в сторону субъективной интерпретации; 3) неоднозначное декодирование контекстов наблюдается вне зависимости от возраста реципиента; 4) в контекстах, где оценочное понятие употреблено с какими-либо конкретизаторами, семантика лексемы может игнорироваться в пользу семантически определенных единиц.

Эксперимент позволил установить, что семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия представляют собой единицы без четко заданных границ интерпретационного пространства, их использование является одной из причин вариативного толкования юридического текста и снижения его коммуникативно-прагматического потенциала при декодировании адресатом-неспециалистом.

Привлечение средств естественного языка для фиксации юридических норм неизбежно приводит не только к усложнению семантики отдельных лексем, но и к изменению сочетаемостных свойств лексических единиц.

Ср.: *«Товар не признается готовым к передаче, если он не идентифицирован для целей договора путем маркировки или иным образом»* (ст. 458, Гражданский кодекс РФ);

«Поклажедателю возвращается равное или обусловленное сторонами количество вещей того же рода и качества» (ст. 890, Гражданский кодекс РФ);

«Договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора» (ст. 432, Гражданский кодекс РФ) и др.

В синтагмах с несвойственной сочетаемостью преимущественно используются термины, поэтому в таких конструкциях действуют механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала, характерные для терминологических единиц. Адресату незнакомы и/или непонятны (не до конца понятны) номинативные единицы, составляющие текст, хотя это является обязательным условием корректного декодирования сообщения. Контекстуальное окружение, в которое попадают данные терминологические единицы, не снимает омонимии специальных и общеупотребительных значений, соответственно, контекст не реализует возложенные на него функции нейтрализации. Поскольку соединение элементов в синтагмы осуществляется по правилам, незнакомым реципиенту-неспециалисту (в его речевой практике такие сочетания не встречались, и они не соответствуют нормам естественного языка), декодирование сообщения с опорой только на языковую компетенцию оказывается невозможным.

Важную роль в процессе декодирования законодательного текста играют единицы *морфологического* и *синтаксического уровней*.

Одним из основных требований к юридическому тексту является требование краткости изложения. Чтобы передать максимально большой объем информации минимальным набором языковых средств, законодатель вынужден сворачивать пропозиции. Одним из типичных для делового текста элементов, репрезентирующих свернутые пропозиции, являются *отглагольные существительные*.

Наблюдения над законодательным текстом показали, что степень субстантивированности² отглагольной лексемы оказывает различное влияние на реализацию коммуникативно-прагматического потенциала текста. Особенно сложны для декодирования конструкции с отглагольными существительными, в которых значения глагольного мотиватора более заметны для носителя языка, при этом именно такие единицы (с суффиксами *-ениј-, -ниј-, -иј-*) являются, по замечанию М.В. Батюшкиной [Батюшкина, 2018], наиболее употребительными.

Д.Э. Розенталь обращал внимание на то, что конструкции с отглагольными существительными придают неясность высказыванию в связи с тем, что у отглагольных существительных отсутствуют собственно глагольные категории (вид, время, залог) [Розенталь, 2012, с. 326]. В процессе развертывания пропозиции при выборе предиката появляется необходимость актуализации видо-временных и залоговых значений, не имеющих формального выражения в отглагольном существительном, что в ряде случаев может приводить к неоднозначной интерпретации сообщения.

Ср.: *«Обязанность плательщика ренты по предоставлению содержания с иждивением может включать **обеспечение потребностей** в жилище, питании*

² Под степенью субстантивированности в работе понимается большее или меньшее сохранение существительным значений глагольного мотиватора.

и одежде, а если этого требует состояние здоровья гражданина, также и уход за ним» (обязан обеспечить – однократно / обеспечивать) (ст. 602, Гражданский кодекс РФ).

При развертывании пропозиции в предикативную конструкцию необходим не только выбор соответствующего предиката, но и подбор элементов, непосредственно вербализующих отношения между пропозициями, – союзов, союзных слов, предлогов. В частности, развертывание в конструкцию сложноподчиненного предложения предполагает установление и вербализацию отношений между его частями, что может быть по-разному осуществлено разными реципиентами.

Ср.: «Наряду с **требованием о возврате** суммы предварительной **оплаты** товара (услуги) **потребитель направляет** владельцу агрегатора **подтверждение направления** продавцу (исполнителю) **уведомления об отказе от исполнения** договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг)» (ст. 12, ФЗ «О защите прав потребителей»). Сложность контекста позволяет предположить высокую вероятность неоднозначной интерпретации: **потребитель направляет подтверждение** того, что он **уведомил** / что он **уведомлял** продавца / **потребитель направляет подтверждение** того, что он **направил** продавцу **уведомление (документ)**; **потребитель подтверждает**, что он **уведомил ...**; **потребитель направляет агрегатору уведомление, которое он направлял** продавцу, тем самым **подтверждает факт осведомленности** продавца и т.д.

Снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста конструкциями с отглагольными существительными может быть напрямую обусловлено степенью субстантивированности отглагольных дериватов. В ряде случаев «сильно» и «слабо» субстантивированные³ лексемы могут совпадать по форме, различаясь значением, что также создает предпосылки для некорректного декодирования текста.

Ср.: «В случае, когда в разумный срок после **получения сообщения** покупателя **продавец не распорядится** соответствующей частью товара, покупатель вправе, если иное не предусмотрено договором, **принять весь товар**» (ст. 466, Гражданский кодекс РФ). – покупатель должен сообщить, уведомить / отправить сообщение (письменный текст).

Сложность декодирования контекстов с отрицательными отглагольными существительными обуславливается их структурной и семантической сложностью при сохранении тех же механизмов снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста, характерных для всех отглагольных существительных.

³ Под слабо субстантивированными лексемами понимаются существительные, в которых значения глагольного мотиватора в большой степени сохранены и очевидны для носителя языка, в категориальном значении таких существительных преобладает компонент процессуальности; под сильно субстантивированными лексемами понимаются существительные, мотивированные глаголами, в категориальном значении которых преобладает компонент предметности.

К средствам, которые призваны обеспечить полноту и краткость изложения информации, относятся **производные предлоги**. Предложения с производными предлогами в законодательных текстах, как правило, полипропозитивны, т.е. осложнены в семантическом плане, при этом в одном предложении могут оказаться несколько предлогов, репрезентирующих разные типы отношений. Как следствие, корректно развернуть все пропозиции текста, а также корректно установить взаимоотношения между ними становится значительно труднее.

Ср.: *«В случае сомнения в отношении того, является ли сумма, уплаченная в счет причитающихся со стороны по договору платежей, задатком, в частности вследствие несоблюдения правила, установленного пунктом 2 настоящей статьи, эта сумма считается уплаченной в качестве аванса, если не доказано иное»* (ст. 380, Гражданский кодекс РФ).

В работе утверждается, что сложность декодирования текстов, содержащих конструкции с предлогами, не обязательно вызвана скоплением предложных единиц в небольшом фрагменте текста. Проведенный автором анализ контекстов с предлогами, выражающими причинно-следственные отношения (*из-за, вследствие, в связи с, по причине* и др.) показал, что несмотря на общность основного (базового) значения, указанные единицы не являются полными дублетами. Замена адресатом одного предлога другим в процессе декодирования может привести к утрате релевантных для юридического дискурса значений. Например: *предоставить в силу договора займа ≠ предоставить из-за договора займа; недостача товара вследствие его ненадлежащего хранения ≠ недостача из-за ненадлежащего хранения* (ненадлежащее хранение само по себе не приводит к недостаче – оно может обусловить возникновение каких-либо причин, непосредственно уничтожающих часть товара) и др.

Сложность декодирования юридических контекстов, содержащих производные предлоги, связана также с тем, что одна и та же единица в разных конструкциях может демонстрировать разную степень «опредложивания», которая напрямую зависит от степени десемантизации производящей основы.

Ср.: *«Должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие (= из-за) просрочки кредитора»* (ст. 405, Гражданский кодекс РФ);

«При этом потребитель вправе потребовать также полного возмещения убытков, причиненных ему вследствие (≠ из-за) продажи товара ненадлежащего качества» (ст. 18, ФЗ «О защите...») и др.

Формально одна и та же единица в одном случае может реализовывать только релятивную функцию (при этом ее можно легко заменить предлогом *из-за*), в другом – она дополнительно является репрезентантом свернутой пропозиции. В процессе декодирования текста реципиент может эту пропозицию игнорировать.

Для проверки предположения о том, что конструкции с производными предлогами в юридических (законодательных) текстах понимаются неоднозначно, а также для выявления особенностей интерпретации данных конструкций, в работе проведено экспериментальное исследование.

В эксперименте приняли участие 50 испытуемых в возрасте от 18 до 35 лет. Из текстов действующих законов были отобраны три контекста, в которых предлог *вследствие* употреблен в составе причастного оборота⁴ и с разными типами «правых» компонентов: 1) в сочетании с девербативом, нуждающимся в заполнении валентности: «*Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара, подлежит возмещению*» (ст. 7, ФЗ «О защите...»); 2) в сочетании с отглагольным существительным, способным самостоятельно называть действие: «*Потребитель вправе потребовать также полного возмещения убытков, причиненных ему вследствие продажи товара ненадлежащего качества*» (ст. 18, ФЗ «О защите...»); 3) в сочетании с существительным, не обозначающим процесса: «*Право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, признается за любым потерпевшим*» (ст. 14, ФЗ «О защите...»). Перед включением в опросник из статей были вычленены только фрагменты конструкций, представляющие собой непосредственное (ближайшее) окружение производного предлога в объеме, необходимом для понимания минимального смысла. Инструкция для респондентов формулировалась следующим образом: «*Объясните, как вы понимаете данные тексты. Постарайтесь максимально точно и подробно описать ваше понимание ситуации*». Респондентам разрешалось также писать любые комментарии, возникающие в процессе работы с текстами.

В результате были сделаны следующие выводы:

1. Конструкции, содержащие производный предлог *вследствие*, понимаются неоднозначно. Доля реакций, искажающих содержание сообщения: предложение № 1 – 34%, предложение № 2 – 48%, предложение № 3 – 66%.

2. Корректность декодирования сообщения зависит от контекстуального окружения предлога: в контекстах, где предлог употреблен в сочетании с отглагольным существительным (предложения № 1 и № 2), игнорирование пропозиции, маркированной этим существительным, затруднено по сравнению с текстом, где правым компонентом предлога является существительное, не выражающее действия (предложение № 3).

Таким образом, в зависимости от лексического окружения предлога, а также его положения внутри предложения конструкция с предлогом может быть более или менее доступной для корректного декодирования рядовым носителем языка.

На *синтаксическом уровне* законодательные тексты характеризуются предложениями большого объема. Снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста может быть обусловлено дистантным расположением грамматически связанных членов предложения.

Ср.: «*Указанная в пункте 1 настоящей статьи информация в наглядной и доступной форме доводится до сведения потребителей при заключении договоров купли-продажи и договоров о выполнении работ (оказании услуг)*»

⁴ Конструкции с причастными оборотами выбраны в связи с тем, что в них может быть сосредоточено несколько пропозиций, не имеющих предикативного выражения. При разворачивании таких конструкций вероятность неоднозначного декодирования повышается.

способами, принятыми в отдельных сферах обслуживания потребителей, на русском языке, а дополнительно, по усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца), на государственных языках субъектов Российской Федерации и родных языках народов Российской Федерации» (ст. 8, ФЗ «О защите прав потребителей»).

Кроме того, снижение коммуникативно-прагматического потенциала может быть обусловлено возможностью двойной соотнесенности компонентов предложения (ситуации, при которых один и тот же элемент способен рассматриваться как компонент разных конструкций).

Ср.: *«Наймодатель обязан осуществлять надлежащую эксплуатацию жилого дома, в котором находится сданное внаем жилое помещение, предоставлять или обеспечивать предоставление нанимателю за плату необходимых коммунальных услуг <...>»* (ст. 676, Гражданский кодекс РФ) – 1) наймодатель за плату предоставляет или обеспечивает предоставление коммунальных услуг (ему отдельно оплачивают); 2) наймодатель обеспечивает предоставление коммунальных услуг, которые оплачивает наниматель.

В третьей главе **«Коммуникативно-прагматический потенциал структурных элементов законодательного текста»** проанализированы структурные элементы законодательных текстов (заголовки и гиперссылочные элементы), влияющие на их коммуникативно-прагматический потенциал.

Прагматическая роль структурных элементов законодательного текста для неспециалиста определяется тем, что, во-первых, обращение неспециалиста к законодательным текстам носит спорадический характер (по необходимости), при этом для адресата значимы только отдельные фрагменты текста, регламентирующие интересующую его ситуацию; во-вторых, у адресата отсутствуют фоновые юридические знания. В связи с этим корректное декодирование текста для неспециалиста обусловлено информативным потенциалом структурных разделов (заголовков) и внутритекстовых ссылок.

В качестве особого типа заглавий в работе выделены собственно законодательные заголовки – микротексты с правовой семантикой, являющиеся относительно самостоятельными элементами законодательного дискурса, служащие «кодом» специфической юридической информации и, как следствие, выражающие те или иные значения деонтической модальности. Подобные заголовки могут быть, как минимум, трех видов: 1) заголовки с нулевым показателем модальности, которые могут быть однозначно развернуты в соответствующую предикативную конструкцию с экспликацией модальных значений (Ср. *«Право на охрану здоровья», «Право на медицинскую помощь»* (ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»); 2) модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным, позволяющие прогнозировать содержание текста как описание особенностей соответствующего процесса, из чего следует, что предполагаемый процесс вообще должен быть (Ср.: *«Соблюдение врачебной тайны», «Оплата медицинских услуг»* (ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»); 3) собственно номинативные заголовки, модальность которых устанавливается в

соотношении с заголовками более крупного уровня («Лечебное питание» – входит в состав главы «Организация охраны здоровья»; соотношение названий главы и отдельной статьи позволяет декодировать сообщение как «Охрана здоровья подразумевает организацию лечебного питания» / «Лечебное питание должно быть организовано в целях охраны здоровья»). Последняя группа заглавий является самой спорной, поскольку нельзя утверждать, что реципиент действительно соотносит в своем сознании заголовок статьи и название более крупного раздела.

Собственно законодательные заголовки наиболее эффективно реализуют навигационную функцию, так как транслируют часть правовой информации без раскрытия полного текста. Заголовки, которые не несут в себе специфической юридической информации и содержат в сильной позиции только общую тематику статьи («Рождение ребенка», «Лечащий врач» (ФЗ «Об основах охраны здоровья...») и под.), напротив, снижают коммуникативно-прагматический потенциал текста.

Законодательный текст как совокупность норм, установленных и охраняемых государством, представляет собой сложный феномен, не укладывающийся в рамки линейного текста. Законодательный текст может быть определен как гипертекст в связи с тем, что: 1) система законодательства представляет собой разветвленную систему текстовых единиц; 2) знакомство читателя с текстом может начинаться с любого элемента; 3) восприятие текста отдельным реципиентом нелинейно; 4) заданная модель и параметры прочтения отсутствуют, что приводит к формированию индивидуального, композиционно нестабильного, потенциально бесконечного для отдельного реципиента текста.

В структуре любого гипертекста выделяется два основополагающих элемента: информационная единица и средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой, – гиперссылка [Дедова, 2006]. В отличие от гиперссылок в традиционном понимании (элементов электронного гипертекста, графически выделенных в основном тексте [Дедова, 2006; Носовец, 2011 и др.] и обеспечивающих мгновенный переход между информационными блоками), гиперссылки неэлектронного юридического гипертекста могут быть имплицированы.

Гиперссылки в законодательных текстах не являются аналогом традиционных внутритекстовых ссылок. Традиционные внутритекстовые ссылки могут быть необязательными для раскрытия (адресат сам принимает решение о необходимости обращения к указанному тексту) и, кроме того, непосредственно не участвуют в структурной организации текста – без обращения к другому информационному блоку текст должен иметь смысловую и композиционную целостность. Гиперссылки в неэлектронном юридическом гипертексте являются способом навигации, организуют его структуру, реализуют когезию и обеспечивают когерентность.

В законодательном тексте гиперссылка может иметь разную «глубину»: текст, на который дается ссылка, может содержать ссылку на другой

законодательный текст, в котором, в свою очередь, будут ссылки на еще один законодательный текст и т.д.

В реферируемой работе гиперссылки в исследуемых законодательных текстах дифференцированы по степени их очевидности для реципиента. В качестве *очевидных* гиперссылок выступают названия юридических документов (законов, постановлений и т.п.) или их частей (разделов, глав и т.д.). Графическими опознавательными элементами таких ссылок являются заглавные буквы, аббревиатуры и цифровые данные (номер документа, дата и т.п.). Ср.: «*Особенности регулирования труда лиц, работающих по совместительству, определяются главой 44 настоящего Кодекса*» (ст. 60.1, Трудовой кодекс РФ); «*Денежные обязательства должны быть выражены в рублях (статья 140)*» (ст. 317, Гражданский кодекс РФ) и др.

Очевидные гиперссылки могут отсылать адресата к разным группам текстов: 1) к законодательству в целом; 2) к другому законодательному тексту; 3) к данному тексту. В отношении последних двух типов ссылок значение имеет объем текста-объекта: а) ссылка на весь закон или кодекс; б) ссылка на конкретный фрагмент (часть, статью, пункт и др.). Степень информативности таких ссылок для адресата-неспециалиста различна. Информативность, близкую к нулю, имеют ссылки на все законодательство, группу законов, отдельный закон или кодекс. Ссылки на текст другого закона или статью другого закона являются для реципиента-неспециалиста неинформативными или малоинформативными, поскольку для их декодирования требуются специальные знания, обеспечивающие возможность найти данный текст, понять и соотнести его содержание с основным (исходным) текстом. Ссылки на конкретную статью данного закона и на ту же статью, в которой они представлены, достаточно информативны в том случае, если реципиенту удастся правильно декодировать текст, к которому ссылка направляет, и корректно соотнести его с текстом, в котором данная ссылка дана.

Неочевидные гиперссылки – это графически и семантически не выделенные элементы структуры гипертекста, фрагменты текста-источника, материализованные посредством термина или терминологического сочетания, которые актуализируют в тексте-источнике значение, закрепленное в конкретном тексте-объекте ссылки, обеспечивающее единственно правильное толкование исходного текста.

Ср.: «*Продавцом до заключения договора должна быть предоставлена потребителю информация об основных потребительских свойствах товара, об адресе (месте нахождения) продавца ...*» (ст. 26.1, ФЗ «О защите прав потребителей»);

«*Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара (работы), подлежит возмещению в соответствии со статьей 14 настоящего Закона*» (ст. 7, ФЗ «О защите...») и др.

Термины-гиперссылки, с одной стороны, а) называют специальное понятие и предполагают дефинитивность; б) являются составной частью определенной

терминосистемы (юридической); с другой стороны – а) являются ключевыми понятиями либо данного закона, либо другого законодательного текста; б) структурно выделены в тексте (каждый термин служит заголовком соответствующего раздела законодательного текста, включен в главу «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» или вынесен в преамбулу, а также может определяться через ряд статей, конкретизирующих данное понятие или выделяющих его существенные признаки); в) содержат неочевидную интенцию перехода к тексту-объекту, так как нуждаются в дефинировании посредством актуализации конкретного текста / группы текстов, кроме того, обращение к источнику дефиниции должно быть достаточно регулярным в связи с постоянным изменением закона; г) текст-объект прямо не назван, но строго определен, выбор источника дефиниции недопустим.

Главное отличие термина-гиперссылки от термина в привычном понимании заключается в том, что термин-гиперссылка требует обязательного дефинирования посредством одного конкретного источника (законодательного текста), в то время как выбор источника дефиниции для термина в традиционном понимании остается за адресатом.

Низкая информативность неочевидных ссылок обусловлена тем, что такие ссылки могут вообще не опознаваться как ссылки и вследствие этого не активироваться, а из-за отсутствия указания на точный «адрес» текста-объекта обращение реципиента к релевантному тексту не гарантируется.

В **заключении** подведены итоги исследования, обобщены теоретические выводы и практические результаты работы, намечены дальнейшие перспективы изучения проблемы.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии в юридических (законодательных) текстах, предназначенных для коммуникативных ситуаций, где адресатом текста может являться неспециалист, языковых и структурных элементов, препятствующих корректному декодированию текста неспециалистом. На всех уровнях законодательного текста обнаружены элементы, снижающие его коммуникативно-прагматический потенциал при декодировании адресатом-неспециалистом. Основные структурные элементы текста – заголовки и гиперссылки, обеспечивающие навигацию внутри закона, также могут снижать коммуникативно-прагматический потенциал текста.

В качестве перспективы исследования видится разработка проблемы на основе анализа документов других жанров и сфер юридической деятельности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора.

Статьи в рецензируемых журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Шарафутдинова, О.И. Особенности текстовой организации правовой нормы: диахронический аспект / О.И. Шарафутдинова, В.И. Поповская // Казанская наука. – 2020. – № 3. – С. 53–55.

2. Шарафутдинова, О.И. Гипертекстуальность текста закона как проблема его понимания / О.И. Шарафутдинова, В.И. Поповская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 24–29.

3. Шарафутдинова, О.И. Текст закона: специальный vs неспециальный / О.И. Шарафутдинова, В.И. Поповская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 12 (446). – С. 172–177.

4. Поповская, В.И. Термины-гиперссылки в юридических текстах / В.И. Поповская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 70–74.

5. Поповская, В.И. Особенности функционирования гиперссылок в юридическом тексте / В.И. Поповская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 7 (453). – С. 125–130.

6. Поповская, В. Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») / В. Поповская // Юрислингвистика. – 2022. – № 25 (36). – С. 29–34.

7. Поповская, В. Отрицательные девербативы в текстах закона: коммуникативно-прагматический аспект / В. Поповская // Юрислингвистика. – 2023. – № 27 (38). – С. 21–26.

Публикации в других изданиях:

8. Поповская, В.И. Интерпретация юридического текста: к постановке проблемы / В.И. Поповская // Актуальные вопросы речевого взаимодействия: материалы всерос. науч. конф. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2019. – С. 177–184.

9. Поповская, В.И. Типы гиперссылок в юридическом тексте / В.И. Поповская // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Первый класс, 2021. – С. 239–247.